

Наталья Халымончик

Разделяй и чувствуй

Жак Рансер. Разделяя чувственное / Сост. В. Лапицкий. Пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб.: «Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге», 2007. – 264 с.

Книгу «Разделя чувственное» издатели не без гордости представляют как том, завершающий свод переведенных на русский язык эстетических трудов Жака Рансера. Начало было положено в 2004 году публикацией «Эстетического бессознательного»¹. Составителем, как и в издании 2004 года, выступил В.Е. Лапицкий, он же перевел две из трех работ: «Разделение чувственного. Эстетика и политика» («Le partage du sensible: Esthétique et politique») и «Неудовлетворенность эстетикой» («Malaise dans l'esthétique»). Перевод третьей «Судьба образов» («Le destin des images») выполнен А. Шестаковым.

Можно сказать, что нынешнее издание является своего рода ключом к «Эстетическому бессознательному», где Рансер продемонстрировал интерпретационную работу своей концепции Эстетического, но не сформулировал ее основные положения. Теперь этот пробел можно считать заполненным.

«Разделение чувственного», технически являясь неким расширенным вариантом интервью Рансера по поводу книги «Несогласие» («La mésentente»), не только и не столько уточняет позицию автора по вопросам, интересовавшим молодых философов-интервьюеров, но, по сути, является предельно ясным изложением его представлений об эстетике, ее смысле, содержании, формах взаимодействия с другими практиками существования мира.

Рансер рассматривает «эстетику» не как некую общую теорию искусства или же дискурс анализа апелляций искусства к чувствам, для него эстетика это:

специфический режим идентификации и осмысленный искусств – тип сочленения способов делать, их зримых форм и способов осмысления их отношений, подразумевающий определенное представление о ответственности мысли².

¹ Рансер Ж. Эстетическое бессознательное. СПб.: «Machina», 2004.

² Рансер Ж. Разделя чувственное, с. 12.

Кажется, подобное стремление к четкому проявлению используемых терминов, на которых строится его объяснительная система, понятий, находящихся в фокусе его оптики, характерно для всех работ французского философа. Никакая марксистская школа и годы ученичества у Альтюссера не делают для Рансера самоочевидными такие понятия, как «пролетариат», «рабочий класс» или «нищета». Постоянное вопрошание к истинному смыслу этих терминов, попытка переопределить их в динамике существования прослеживается, например, в книге «Философ и его бедняки» («Le Philosophe et ses pauvres»), в работе «На краю политического» («Aux bords du politique»). Рансер обращается к определению политики – не как практики власти или как специфически переживаемого мира, а как следа «некоего исчезающего различия с распределением социальных частей»³.

Однако очисаемые Рансером от налипших обыкновений термины мало годятся для использования в качестве простых и ясных шаблонов. Его определения по большей части апофатические, и, ясно показывая, чем не является политика или же в нашем случае эстетика, автор не собирается предлагать плоских школярских определений. Он находит их место в пространстве смещений, переплетений, сходств и инановостей, разрывов и пустот, вся хрупкая цепочка которых гарантирует этим явлениям саму возможность существования. Любопытно, что о политике и об эстетике он говорит практически одними и теми же словами:

Если имеется характерная черта политики, то вся она содержится в отношении, каковое является отношением не между субъектами, но между двумя противоречивыми терминами; отношением, которым определяется субъект. Как только мы начинаем распутывать этот узел субъекта и отношения, политика исчезает⁴.

И об эстетике:

Если «эстетика» является именем некоего «смещения», это «смещение» – на самом деле, как раз то, что позволяет нам идентифицировать объекты, типы опыта и формы художественной мысли, которые мы, чтобы ее разоблачить, считаем, что сумели обособить. Развязать узел, чтобы лучше различить в их своеобразии художественные практики или эстетические аффекты, вполне возможно, означает обречь себя на упущения этого самого своеобразия⁵.

³ Рансер Ж. На краю политического / Пер. Б.М. Скуратова. М.: «Практис», 2006.

⁴ Там же.

⁵ Рансер Ж. Разделя чувственное, с. 51.

Опасности такого ускользания эстетики в ходе хирургического вмешательства философской доктрины Рансьер демонстрирует, анализируя антиэстетические манифесты Бадью и Лиотара «Малый учебник анестетики» и «Бесчеловечное».

Неуловимость самого объекта, его текучесть, невозможность зафиксировать его в раз и навсегда застывшей форме диктует автору и соответствующую манеру письма, заставляющая читателя не только следовать за его мыслью, но и самостоятельно искать необходимые режимы прочтения и переключаться с одного на другой. Даже недеklarируемое в каждом отдельном случае употребление термина «эстетика» в двойном смысле (как режима зримости искусства и как типа принадлежащего этому режиму интерпретирующего дискурса) оставляет читателю трудную подчас свободу правильного выбора. Подобная либеральность придает работам Рансьера несколько «эзотерический» привкус, за который, возможно, его ценят в самом мире современного искусства. В любом случае назвать Рансьера автором для узкого круга профессионалов – значит погрешить против истины. Да это и противоречило бы исходному эгалитаризму его позиции.

Пространство чувственного для Рансьера едино, однако подчинено порядку членения, определяющего пространства, времени и формы различных практик. Каким образом осуществляется это разделение и рассматривает Рансьер в каждой из трех работ, вошедших в это издание. Границы между словами и формами, говоримым и видимым, видимым и невидимым, как они устанавливаются, каким образом одни из этих режимов обретают привилегию, а другие исключаются из производства знания – это, по Рансьеру, вопросы политики в эстетике. И речь не о той прямой политической ангажированности эстетических практик, которая часто вменяется в вину искусству. Рансьер не усматривает никакого конфликта между «чистым» и «политизированным» искусством. Он исследует сам способ, которым раскрывается перед нами эта область чувственного, механизм наделения привилегиями определенных практик знания, понимания и выражения, выясняет, кто участвует в этом разделении чувственного и кто исключен из процесса установления правил. В общем смысле – как это разделение формирует общество, и как работает механизм исключения из него неидентичных, неконвенциональных практик и форм чувственности. Политическое эстетики проявляется здесь в том, что она, как и политика, рассматривается Рансьером как форма разделения чувственности, подвешенная к определенному режиму идентификации. Эстетика определяет пространства инородности с не меньшей безапелляционностью, чем политика:

Свойство принадлежности к искусству в его эстетическом режиме задается не критериями технического совершенства, а предписанием определенной формы чувственного восприятия⁶.

Анализу функционирования образов в рамках этих предписаний посвящена третья вошедшая в том работа «Судьба образов», представляющая собой компиляцию статей и публичных лекций, в различное время прочитанных Рансьером. И снова первой задачей для него становится определение смысла ключевого понятия, на которое направлен его анализ. И снова для него нельзя найти четко зафиксированного на карте чувственности места. Образ видится Рансьером не как отпечаток, не как зримая форма или же вторая реальность. Образ – это операция, порождающая сдвиг, его природа двойственна: он шифр истории и само прерывание как таковое. Такое осмысление образа позволяет ему выстраивать интерпретационную схему, одинаково хорошо работающую с классической живописью, с кинематографом, с современными экспозиционными пространствами, с дизайном, с фотографией и литературой. Между ними не обнаруживается неумолимо закрытых границ, не потому, что модернистская асимметрическая революция установила такой режим восприятия, а потому, что

Общая поверхность, на которой формы живописи одновременно обретают самостоятельность и перемешиваются со словами и вещами, есть также поверхность, общая для искусства и неискусства⁷.

Выход настоящего сборника работ Жака Рансьера следует признать безусловной удачей для наших читателей. Знакомство с его видением эстетики, необыкновенно тонким и содержательным, и демонстрация того, как эффективно работает его теория при анализе искусства, не могут не быть интересными как исследователям, так и довольно широкому кругу читателей. Можно было бы посоветовать на то, что составители не предоставили пояснительного аппарата, который мог бы многим облегчить понимание текстов Рансьера (в отличие, к примеру, от американского перевода «Разделение чувственности»⁸, который снабжен не только обширным глоссарием и подробной вступительной статьей, но и интервью с автором). Однако это небольшая беда по сравнению с предостаточно возможностью пережить то интеллектуальное приключение, которым является чтение этой книги.

⁶ Там же, с. 70.

⁷ Там же, с. 239.

⁸ *Rancière J. The Politics of Aesthetics: The Distribution of the Sensible.* New York: Continuum, 2004.